

К 70-ЛЕТИЮ Ф.Э. ШЕРЕГИ

Редакция и редколлегия «Социологического журнала» сердечно поздравляют Франца Эдмундовича Шереги с 70-летним юбилеем! Его деятельность по развитию социологии и социологического образования в России широко известна нашему профессиональному сообществу и во многих общественных кругах за его пределами. Ф.Э. Шереги — человек высоких моральных принципов и большой личной ответственности. Он один из немногих, кто в наше время бескорыстно занимается научным просветительством и поддержкой социологического образования, издавая монографии и учебники по социологии. Ф.Э. Шереги не раз оказывал благотворительную помощь научным периодическим изданиям, в том числе и нашему. Пользуясь особым случаем, сотрудники журнала выражают Вам, дорогой Франц Эдмундович, свою глубокую признательность за Вашу разностороннюю деятельность, за служение науке! Желаем Вам здоровья, сил и осуществления творческих планов!

БОРИС ДОКТОРОВ

ФРАНЦ ШЕРЕГИ. ЧЕЛОВЕК ИЗ ДРУГОГО ЦЕННОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА

Мне в высшей степени симпатичен текст «Загадки Шереги» [1], ибо несколькими предложениями его автору Андрею Алексееву удалось отразить в нем некоторые сущностные черты личности и профессиональной деятельности Франца. Объясняя заголовок своего эссе,

Алексеев заметил, что с Шереги он знаком «разве что заочно». Однако я думаю, что подобным образом свои заметки могли бы назвать даже многие из тех, кто знает Франца на протяжении десятилетий. Причина — он «иной», из другого ценностного пространства. Вот как он сам об этом говорит: «Я пришел в советскую социологию случайно, причем как “белая ворона” и остался “белой вороной” в российской социологии [2, с. 6].

Я же рискну предложить «отгадки» задач, поставленных Алексеевым. Во-первых, меня связывают с Шереги годы дружбы и, во-вторых, при самой деятельной поддержке Франца я уже около десяти лет изучаю историю российской социологии и пытаюсь понять внутренние механизмы деятельности моих коллег.

В интервью, проведенном в 2007 году, Шереги сказал: «Свои социологические “опусы” я пишу “от жизни”, а не по заученным шаблонам» [2, с. 7]. Я вижу в этой фразе более широкий смысл: все, что Шереги делает, он делает «по жизни», то есть в опоре на ценности, а не на предлагаемые извне идеологемы и конъюнктурные рекомендации. Это и есть самый общий ответ на «загадки Шереги». Мир, в котором проистекала его первичная социализация, сформировал в нем то отношение к семье, труду, личной свободе, властным институтам, которое в том мире естественно, обыденно. Но «загадочно» в нашем большом мире.

Мы познакомились с Шереги в конце 1976 или начале 1977 года. Нас соединило много общего: одно поколение, я на три года старше; оба пришли в социологию после получения математического образования; круг интересов обоих включал проблемы выборочных методов и изучения общественного мнения. К тому же мы оба работали тогда в близких по духу институциях: Франц — в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ в Москве, я — в Ленинградской Высшей партийной школе. Однако сегодня мне представляется, что прежде всего нас с Францем сближало стремление к научному, то есть идеологически не ангажированному, рассмотрению социальных процессов, происходивших в стране.

Главное, что меня привлекало в нем, это внутренняя свобода. Интуитивно я связывал эту особенность его суждений и поведения с тем, что он родился и вырос в венгерской общине Закарпатья; многие классические и современные социологические теории изучал по венгерским переводам, изданным без всякой цензуры; сначала переводил, а позже преподавал студентам из Венгрии, которые по-умолчанию не могли принять крайне идеологизированное рассмотрение принципов социализма, характерное для советской системы образования. Но глубинное объяснение его свободных, часто резко критических суждений относительно внутренней и внешней политики СССР я нашел в нашем интервью, проходившем в 2006–2007 году.

Мой вопрос касался того, как им в школе объясняли вхождение Западной Украины в СССР. Приведу его ответ полностью: «Общепринятая официальная версия была простая — советские войска освободили земли Украины. Нас эта, да и любая иная официальная версия “не коробила”, так как все мы, кстати, даже местные украинцы (гуцулы) и русины, обладали превентивным “генетическим” иммунитетом недоверия к любой официальной информации — и советской, и несоветской — даже если она была объективной. Отчуждение населения Закарпаття от любой государственности как института власти всегда было абсолютным» [2, с. 7].

Со временем полученный Шереги при рождении иммунитет к идеологии проявился во множестве следствий, в частности, — в независимости его исследовательской деятельности. При этом залогом, гарантом подобной независимости Шереги мог быть и стал его глубокий профессионализм.

Ключ к разгадке других «загадок Шереги» следует видеть в его отношении к труду вообще и к профессии, в частности. Вот как Шереги вспоминает обстоятельства своей ранней социализации: «Личный политический опыт заключался в том, что все население Закарпаття формировалось в капитализме и примерно до 1960-х годов социализм воспринимало как временное явление, равно как и советскую “оккупацию”. В течение семи лет в венгерской школе меня учили бывшие “капиталистические” учителя» [2, с. 7]. Многие социологи, с которыми мне удалось провести интервью, отмечали, что начали работать рано, сменили несколько профессий, но никто из почти 80 человек не имел столь богатого производственного опыта, предшествовавшего приходу в социологию, как Франц: сельскохозяйственный рабочий и сапожник, мясник и артист венгерского народного театра, военный служащий, заведующий библиотекой, учитель венгерской школы; репетитор по подготовке к поступлению в вуз по математике, физике и французскому языку; переводчик-синхронист венгерского языка. И в Москве его деятельность оказалась весьма многообразной: аспирант, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», научный сотрудник, преподаватель вуза.

В 1988 году Шереги начал карьеру предпринимателя, и это не было для него чем-то новым, совсем незнакомым. В Закарпаття некоторые формы предпринимательства всегда существовали. Осенью 1990 года он зарегистрировал свою частную социологическую фирму.

Имея богатый личный опыт всевозможных социальных отношений, в том числе и капиталистических, Шереги вполне обоснованно считал себя в социальном отношении более зрелым, чем его советские коллеги. И у него есть основания так думать; история, подтвердила его правоту. Приведу лишь один пример.

В 1982 году ЦК КПСС и ЦК Комсомола предложили Шереги изучить социальные проблемы строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ), в том числе мотивацию приезда на «стройку века» и планы строителей на будущее. Результаты исследования его поразили многим, в частности тем, что хотя стройка объявлялась и пропагандировалась как интернациональная, в действительности 85% приезжавших на БАМ составляли русские. Например, в составе бригад из республик Средней Азии русских было 95%, из Прибалтики — 60%, Украины — 40% и т. д. Шереги заинтересовался противоречием между информацией об интернациональном составе строителей магистрали и обнаруженной им высокой национальной однородностью приезжавших отрядов строителей. И пришел к неожиданному для себя выводу: русские и русскоязычные вытесняются из национальных республик. Подобное он выявил и при изучении «интернациональных» строек на Канско-Ачинском топливно-энергетическом комплексе (КАТЭКе), на заводе «Атоммаш» в Волгодонске. Интернациональная по замыслу структура отрядов строителей, рекрутированных на стройки по комсомольскому призыву, на самом деле также оказалась почти мононациональной — в основном русские или русскоязычные (украинцы, белорусы). Уже в 1983 году Шереги сделал вывод о том, что социальные фонды национальных республик стали скудеть, рабочих мест, где имелись социальные гарантии, с трудом хватало для представителей титульных национальностей. Это могло привести к межнациональным противоречиям, и потому центральная власть, зная о происходившем, постепенно «выводила» из национальных республик русскую молодежь. Тогда он пришел к выводу: СССР стоит перед распадом.

Сказанное о трудовой этике Шереги объясняет и его удивляющую всех продуктивность. А. Алексеев насчитал 35 монографий и отметил: «...может я, что-то и пропустил в подсчете». Уверен, что пропустил. Книги — это завершение исследований. С 1990 по 2006 год под руководством Шереги было выполнено не менее 400 проектов. После 2007 года заказов на исследования стало меньше, однако 30–35 только общероссийских исследований его Центр социального прогнозирования и маркетинга (ЦСПиМ) проводил ежегодно и проводит по сей день.

Еще одна «загадочная» область поведения Шереги — благотворительность. Конечно же, и здесь мы встречаемся с проявлением стандартов отношения к труду и человеку, восходящих к протестантской этике и глубоко укоренившихся в западном бизнесе.

Так, веб-сайт Шереги (www.socioprognoz.ru) — это, несомненно, вид благотворительной акции; серьезные затраты, но никак не источник прибыли. Сайт¹ открылся 12 апреля 2011 года, и Шереги сам

¹ Я благодарю Е.И. Григорьеву, которая создала и поддерживает этот сайт, за предоставленную мне информацию о его содержании и количестве обращений к нему.

отбирает все тексты. К середине 2014 года в этой веб-библиотеке хранилось около 250 публикаций по различным отраслям социологии; есть в ней и «кабинет раритетов» — 22 работы из дореволюционной и ранней советской социологии. Аудитория этого специализированного сайта порядка 5000 человек. В апреле-мае 2011 года сайт ежедневно посещали 10–12 человек, сейчас — 80–90.

К ряду многолетних благотворительных деяний Франца Шереги относится и его активная издательская деятельность. Хотя с 1995 года он практически не участвует в социологическом образовании, не читает лекций в вузах, тем не менее, и по сей день он активно содействует развитию социологического образования в России в форме подготовки многочисленных изданий по методике и различным предметным областям социологии. По состоянию на начало 2014 года Центром издано 120 книг по социологии, все они размещены на сайте в открытом доступе. И здесь принципиально не только количество, но и то, что при издании новых и переиздании старых книг Шереги стремится познакомить социологов с работами авторов, представляющих разные научные направления и придерживающихся разного понимания социологии как науки. Например, им переизданы: монография «Труд» И.И. Чангли, в которой труд и его место в обществе рассматриваются в рамках истмата; брошюра о развитии социологии на Урале М.Н. Руткевича, деятельность которого, по мнению многих социологов первых поколений, нанесла вред отечественной социологии; работы разных лет В.Э. Шляпентоха, которые после его эмиграции в США фактически выпали из поля зрения специалистов, тем более — студентов; классическая книга В.А. Ядова по диспозиционной теории личности, давно ставшая библиографической редкостью; научные и публицистические материалы В.Н. Шубкина.

Я вижу в такой издательской стратегии Шереги следствие (продолжение) присущей ему с детства национальной, конфессиональной, языковой и прочих форм толерантности. Принципиальна и его позиция в межличностном внутрицеховом пространстве: «...в своих работах я никогда никого из социологов или философов не критиковал, относясь к ним только с позиции коллегиальности и права на собственное автономное мнение...» [2, с. 6]. Он полностью согласен с утверждением британского социолога Теодора Шанина, многие годы работающего в России и внесшего значительный вклад в развитие российских науки и образования. По мнению Шанина, сегодняшнюю ситуацию скорее можно охарактеризовать как кризис социологов, а не социологии: ведя баталии, чаще не научного свойства, кризисные ситуации создают сами социологи.

Поиск ответов на такие «загадки Шереги», как «равновесность теории, методологии и эмпирии», «коллегиальность» и «разнообразие» весьма непросто, но одно очевидно — здесь следует учитывать

факт глубинной и многолетней погруженности Шереги в сферу прикладных социологических исследований. На мой взгляд, принимая во внимание продолжительность его работы в этой нише социологии, знание методов прикладных исследований, широту предметной области поисков, нацеленность на практику и ряд других обстоятельств, Шереги может быть признан одним из лидеров этого раздела советской / российской социологии.

Еще будучи аспирантом, Шереги в 1974–1976 годах читал 60-ти часовой курс по прикладной социологии и социальной психологии на венгерском языке для руководителей Венгерского союза молодежи в Высшей комсомольской школе; тогда же проводил исследования по идеологии и вопросам политического управления. Так что его стаж прикладных социологических исследований — сорок лет. Теперь приведу названия нескольких книг, написанных одним Шереги или с соавторами, заголовки которых однозначно указывают на их содержание и жанр: «Социология образования: прикладные исследования» (2001), «Социология права. Прикладные исследования» (2002), «Социология предпринимательства: прикладные исследования» (2003), «Социология политики: прикладные исследования» (2003), «Социология девиации. Прикладные исследования» (2004).

В начале 1980-х Франц Шереги и Михаил Горшков, тогда еще не академик и не директор Института социологии РАН, а молодой ученый, кандидат наук, задумали подготовить учебное пособие по прикладной социологии, доступное для широких масс. Сначала была серия статей в издававшемся под эгидой ЦК КПСС журнале «Политическое самообразование», затем в 1985 году под их редакцией вышел учебник «Как провести социологическое исследование» [3]. Через несколько лет он был переиздан, а в 2011 году на основе этой книги было издано интерактивное учебное пособие «Прикладная социология», включающее 300 задач, по подготовке прикладного исследования [4]. О том, насколько эта работа востребована, свидетельствует тот факт, что на упомянутом выше сайте эта книга привлекает наибольшее внимание посетителей; за прошедшее время ее скачали около 4000 раз.

Шереги сознательно подавил в себе стремление заниматься целенаправленно социологической теорией, хотя я уверен, что его подход к пониманию формационной динамики общества, его теория социальной структуры и деятельности социальных институтов могли бы принципиально обогатить российскую науку. Оглядывая сделанное, Шереги замечает, что он наименее доволен собственными успехами в теоретической социологии. И называет две причины, одна — на поверхности, чрезмерная занятость эмпирическими исследованиями. Вторая — свидетельство его высокой требовательности к себе: он не уверен в том, что разрабатываемые им категориальные модели станут

научно обоснованной базой для характеристики и прогноза развития цивилизаций. Однако в целом каркас этих моделей сформирован, и велика вероятность уже в ближайшее время познакомиться с ними.

Но ответ на «загадки» Алексеева не будет полным, если в биографическом анализе социологического творчества, более широко — социологической деятельности Шереги — мы не рассмотрим его ценностный мир еще с одной стороны. Ценность труда в его синдроме социокультурных ориентаций явно занимает очень важное место. Аналогичное можно сказать о таких ценностях, как образование, благотворительность в самых различных формах и толерантность. Но доминирующей, в полном соответствии с императивами протестантской этики, оказывается ценность семьи. Шереги сам говорит, что работа для него — не способ удовлетворить личные профессиональные амбиции или таланты, но возможность обеспечить условия жизни его семьи. И до сих пор он считает свои занятия прикладной социологией лишь инструментом заработка на жизнь.

А теперь — все то же самое, но совсем кратко.

Франц Шереги — высочайшего уровня специалист в области прикладной социологии, со своей философией этого рода исследований и огромным опытом их планирования и проведения. В силу этого, а также его независимости как ученого, выводы и рекомендации Шереги востребованы практикой, а его методологические и инструментальные построения представлены в учебниках и во многих книгах, и стали основой для подготовки новых поколений российских социологов. Высокий профессионализм сочетается в Шереги с уникальными личностными качествами: интерес к своему делу, трудолюбие, уважение к своим учителям и коллегам, забота о подготовке новых поколений социологов.

Дорогой друг, здоровья тебе и успешного пути по избранным тобой в прошлом и по совсем новым дорогам!

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. Загадка Шереги // Социальные технологии, исследования. 2014. № 5. С. 16.
2. Ф.Э. Шереги: «Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14 [URL: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1226749726451205file.pdf>].
3. Как провести социологическое исследование. В помощь идеологическому активу / Коллективная монография под редакцией М.К. Горшкова и Шереги Ф.Э. М.: Политиздат, 1985. — 223 с.
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология. Интерактивное учебное пособие, включающее 300 задач. М.: Институт социологии РАН, 2011 [электронное издание, 1 CD].

Дата поступления: 21.08.2014.

B.Z. DOKTOROV

Doktorov Boris Zusmanovich — Doctor of Philosophy, Independent researcher (USA). **Email:** bdoktorov@inbox.ru

FRANZ SHEREGI. THE PERSON FROM ANOTHER VALUE WORLD

REFERENCES

1. Alekseev A. *Zagadka Sheregi*. Social'nye tehnologii, issledovaniya. 2014. No. 5. S. 16. (In Russ.)
2. F.Je. Sheregi: "Togda ja i prishel k vyvodu: SSSR stoit pered raspadom" (*Interv'ju B.Z. Doktorovu*). Teleskop: Zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij. 2007. No. 5. S. 5–14 [URL: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1226749726451205file.pdf>]. (In Russ.)
3. Kak provesti sociologicheskoe issledovanie. V pomoshh' ideologičeskomu aktivu. Kollektivnaja monografija pod redakciej M.K. Gorshkova i Sheregi F.Je. Moskva: Politizdat, 1985. — 223 s. (In Russ.)
4. Gorshkov M.K., Sheregi F.Je. Prikladnaja sociologija. Interaktivnoe uchebnoe posobie, vključajushhee 300 zadach. Moskva: Institut sociologii RAN, 2011 [electronic edition, 1 CD]. (In Russ.)

Received: 21.08.2014.